

Письма

Копенгаген. Париж.

1885-1887.

Эмилю Шуффенегеру

[Копенгаген

14 января 1885 г.]

Я получил письмо от Гийомена. Оказывается, Вы хотели купить одну из его картин на выставке, но она уже была продана. Почему бы Вам не пойти к нему и не выбрать какую-нибудь другую? Мне ка-

Поль Гоген. Автопортрет. Эскиз. Ок. 1884-1888

жется, Вам имело бы смысл иметь у себя образчик его творчества, и к тому же я был бы рад, если бы этому бедному и очень талантливому художнику удалось продать еще что-нибудь.

Что касается меня лично, то порою мне кажется, что я сошел с ума, и однако чем больше я размышляю вечером, лежа в постели, тем больше убеждаюсь, что я прав. Уже давно философы рассуждают о явлениях, представляющихся нам сверхъестественными, но

которые, однако, мы ощущаем. Все как раз тут, в этом слове. Рафаэль и другие – это люди,

у которых ощущение находило форму выражения гораздо раньше, чем мысль, что позволяло им, и участь,

никогда не разрушать это ощущение и оставаться художниками. А для меня великий художник – олицетворение величайшего интеллекта, ему свойственны чувства, являющиеся выражением наиболее тонкой, наиболее незримой деятельности мозга.

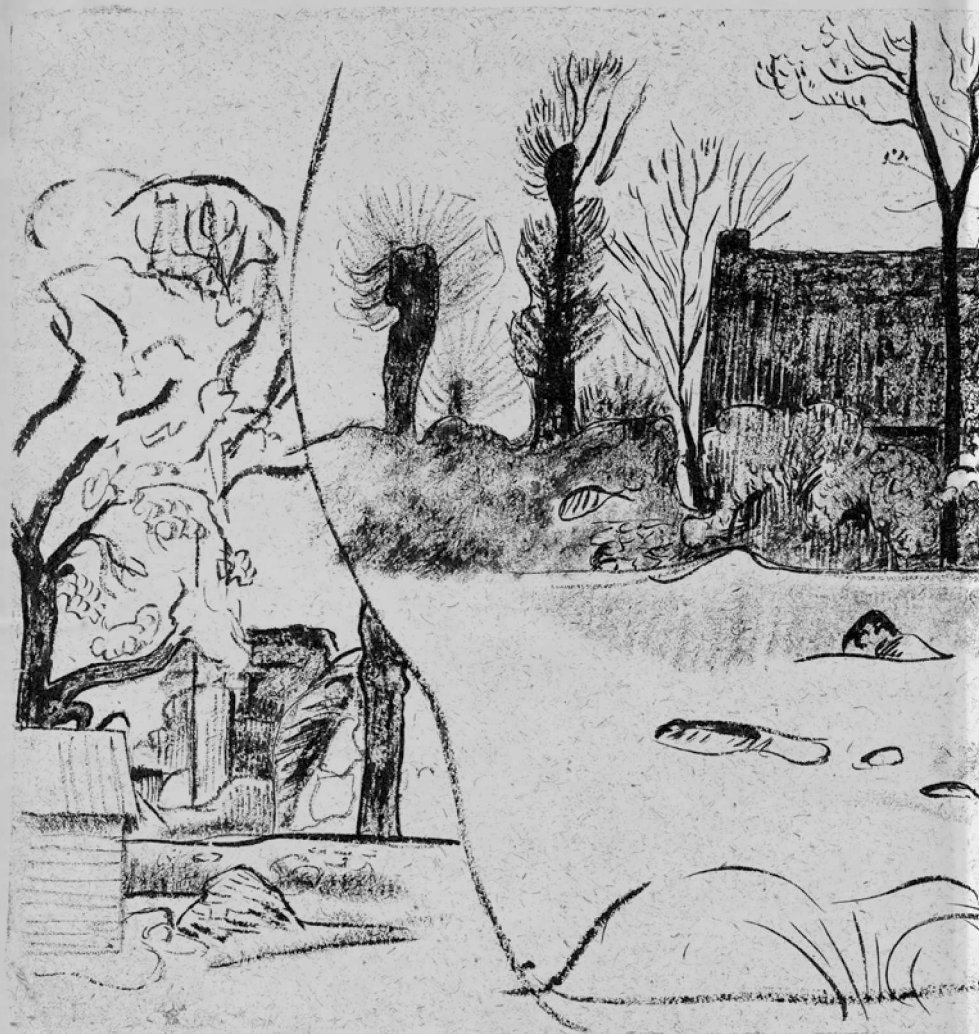
Всмотритесь в безграничное творчество природы, и Вы увидите, имеются ли законы, с помощью которых можно воссоздавать все человеческие чувства в совершенно различных, но однако

*Поль Гоген. Дреmlю-
щая женщина. Эскиз.
Ок. 1884 – 1885*

же сходных по своему воздействию аспектах. Вот, например, большой паук или какой-нибудь ствол дерева в лесной чаще, – и то и другое непонятным образом вызывает в Вас ощущение ужаса. Почему Вы испытываете отвращение от прикосновения к крысе и тому подобное; рассудок не может истолковать подобных ощущений. Наши пять чувств воздействуют непосредственно на мозг под впечатлением бесконечного количества вещей, и никакое воспитание не может уничтожить этого. Отсюда я делаю вывод, что имеются линии благородные, лживые и т. д.; прямая линия дает ощущение бесконечности, кривая ограничивает творческий порыв, не говоря уже о роковых сочетаниях чисел. Сколько говорено было о числах 3 и 7? Цвета в этом отношении еще нагляднее из-за своего исключительно мощного воздействия на наш глаз, хотя они и не так многочисленны, как линии. Есть тона благородные, есть обыденные, есть сочетания спокойные, утешительные, а есть такие, что возбуждают своей дерзостью. Графология, например, говорит нам о таких человеческих чертах, как искренность или лживость. Почему же линии и цвета не могут свидетельствовать о более или менее величавом характере живописца? Возьмите Сезанна, непонятого, с глубоко мистической натурой Востока (он и лицом похож на древнего левантинца), в форме он больше всего любит передавать ее тайну, ему нравится тяжелое спокойствие человека, который лег, чтобы предаться созерцанию, в его красках есть задумчивая важность, свойственная характеру восточного человека. Житель юга, он целые дни проводит на горных вершинах, читая Вергилия и созерцая небо. Поэтому на картинах его – высокие горизонты, синие тона очень насыщены, а красный – поразительной звучности.

Это Вергилий, который многозначен и которого можно понимать по-разному, и словесное объяснение его картин имеет иносказательный смысл, двойной. Изображенное им столь же выдуманно, сколь и реально. Одним словом, при виде любой его картины восклицаешь: «Странно!» Но он мистик, и рисунок его такой же.

Поль Гоген. Пейзаж в Понт-Авене. Эскиз. Ок. 1888

[...] Здесь меня более чем когда-либо мучают вопросы искусства, и ни мои денежные заботы, ни поиски заработка не могут меня от них отвлечь. Вы пишете, что мне следовало бы вступить в ваше Общество независимых. Хотите, я скажу Вам, что получится? Сейчас вас человек сто, завтра будет двести. Художники-коммерсанты составляют две

трети общества и станут заниматься интригами. Еще немного, и тон станут задавать Жерве и прочие, а что будем делать мы – мечтатели, непонятые? В этом году у вас была благоприятная пресса, в будущем – смутьяны (повсюду есть Раффаэлли) взбаламутят всю грязь, чтобы облить вас, а самим выйти чистенькими.

Работайте свободно и бездумно; Вы будете совершенствоваться, и рано или поздно Ваше дарование будет признано, если оно у Вас есть. А главное, не потейте над картиной, большое чувство может быть передано сразу, раздумывайте о нем и ищите для него самую простую форму.

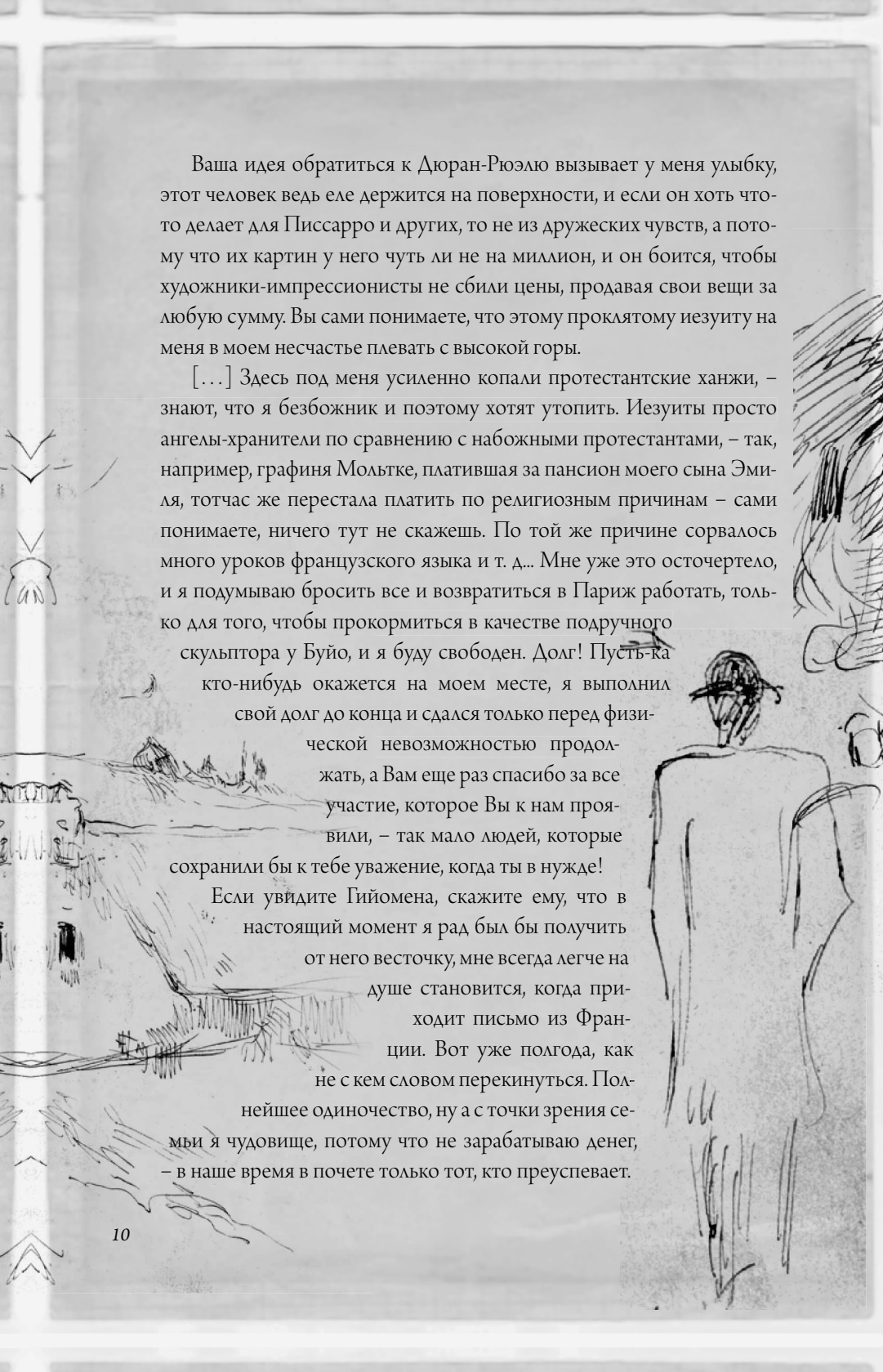
[...] В смысле дел я в том же положении, что и вначале, если что-нибудь выйдет, то лишь через полгода – год. А пока я без гроша, забот выше головы, почему я и утешаюсь, мечтая.

Мало-помалу мы с женой выйдем из положения, давая уроки французского языка. Вы будете смеяться – я и уроки французского языка? Желаю Вам большей удачи, чем у нас.

Эмилю Шуффенекеру

[51, Норрегаде. Копенгаген.
24 мая 1885 г.]

Вы пишете моей жене, а отвечаю Вам опять я. Что можно сообщить Вам такого, что Вас бы успокоило? Не очень-то много, но во всяком случае будьте спокойны – никто не считает Вас эгоистом, все знают, до какой степени Вы перегружены. Ничего со всем этим не поделаешь!

Ваша идея обратиться к Дюран-Рюэлю вызывает у меня улыбку, этот человек ведь еле держится на поверхности, и если он хоть что-то делает для Писсарро и других, то не из дружеских чувств, а потому что их картин у него чуть ли не на миллион, и он боится, чтобы художники-импрессионисты не сбили цены, продавая свои вещи за любую сумму. Вы сами понимаете, что этому проклятому иезуиту на меня в моем несчастье плевать с высокой горы.

[...] Здесь под меня усиленно копали протестантские ханжи, – знают, что я безбожник и поэтому хотят утопить. Иезуиты просто ангелы-хранители по сравнению с набожными протестантами, – так, например, графиня Мольтке, платившая за пансион моего сына Эмиля, тотчас же перестала платить по религиозным причинам – сами понимаете, ничего тут не скажешь. По той же причине сорвалось много уроков французского языка и т. д... Мне уже это осточертело, и я подумываю бросить все и возвратиться в Париж работать, только для того, чтобы прокормиться в качестве подручного скульптора у Буйо, и я буду свободен. Долг! Пусть-ка кто-нибудь окажется на моем месте, я выполнил свой долг до конца и сдался только перед физической невозможностью продолжать, а Вам еще раз спасибо за все участие, которое Вы к нам проявили, – так мало людей, которые сохранили бы к тебе уважение, когда ты в нужде!

Если увидите Гийомена, скажите ему, что в настоящий момент я рад был бы получить от него весточку, мне всегда легче на душе становится, когда приходит письмо из Франции. Вот уже полгода, как не с кем словом перекинуться. Полнейшее одиночество, ну а с точки зрения семьи я чудовище, потому что не зарабатываю денег, – в наше время в почете только тот, кто преуспевает.

Наш малютка Поль лежит с воспалением легких, которое могло свести его в могилу; к счастью, он выкарабкался, но все это было не очень-то весело. Жаль было бы, он стал таким красивым – с черными глазами и матовым цветом лица. Жена моя просит передать свои приветы Вашей. Сейчас она не слишком любезна. Нужда сделала ее желчной, ударив особенно по

тщеславию (в стране, где все друг друга знают), и все ее упреки обрушиваются на меня. Конечно, это из-за своей живописи я не стал биржевиком и т. д.

Жму руки Вам обоим. Поль Гоген

Сообщите мне всякие подробности о Выставке. Это меня развлекало бы больше всего. А Ваша выставка в Тюильри состоялась? Предлагаю Вам обмен. Возьмите у Дельфина какую-нибудь мою картину и пришлите мне фотографию «Ладьи Дон Жуана» Делакура, если, конечно, это не выйдет слишком дорого. Признаюсь, что

в настоящее время единственные принадлежащие мне мгновения – это те, когда я могу уйти в мир искусства.

Заметили ли Вы, до какой степени человек этот обладал темпераментом хищников – потому-то он и писал их так хорошо. Рисунок Делакура всегда напоминает мне тигра с его гибкими и сильными движениями. Никогда не знаешь, где у этого великолепного зверя прикреплены мышцы, причудливые изгибы лапы

Поль Гоген. Профиль мальчика и другие наброски. 1884 – 1888

дают представление о чем-то невозможном и, однако, реальном. Также Делакруа всегда выворачивает плечи и руки каким-то безумным, недоступным рассудку образом, и тем не менее они выражают реальность в пароксизме страсти.

Драпировки извиваются словно змеи, и в этом также есть что-то тигриное! Как бы там ни было и что бы Вы об этом ни думали, его «Ладья Дон Жуана» – это дыхание мощного чудовища, и я хотел бы впитать в себя это зрелище. Все эти изголодавшиеся посреди зловещего океана, которые сейчас боятся лишь одного – вытянуть из колпака некую цифру. Все исчезает перед лицом голода. Одна только живопись, никакого обмана зрения. Барка – это игрушка, которую не построили бы ни в одном порту, господин Делакруа не моряк, но зато какой поэт, и, ей-богу, он совершенно прав, что не подражает Жерому с его археологической точностью.

Подумать только, что г-н Вольф написал в «Фигаро», что ни одна картина Делакруа не является шедевром; они, говорит он, всегда не закончены. Теперь, после его смерти, у него оказался темперамент гения, хотя картины его и несовершенны.

А вот, например, Бастьен-Лепаж – с какой добросовестностью изучает он натуру в своей мастерской. Г-ну Вольфу не приходит в голову, что Делакруа не только великий рисовальщик, но к тому же и новатор, что линия у него всегда – способ подчеркнуть мысль. Впрочем, разве это истолкуешь!

Поль Гоген. Фигура с зонтиком, сидящий мужчина. Эскизы 1884-1888

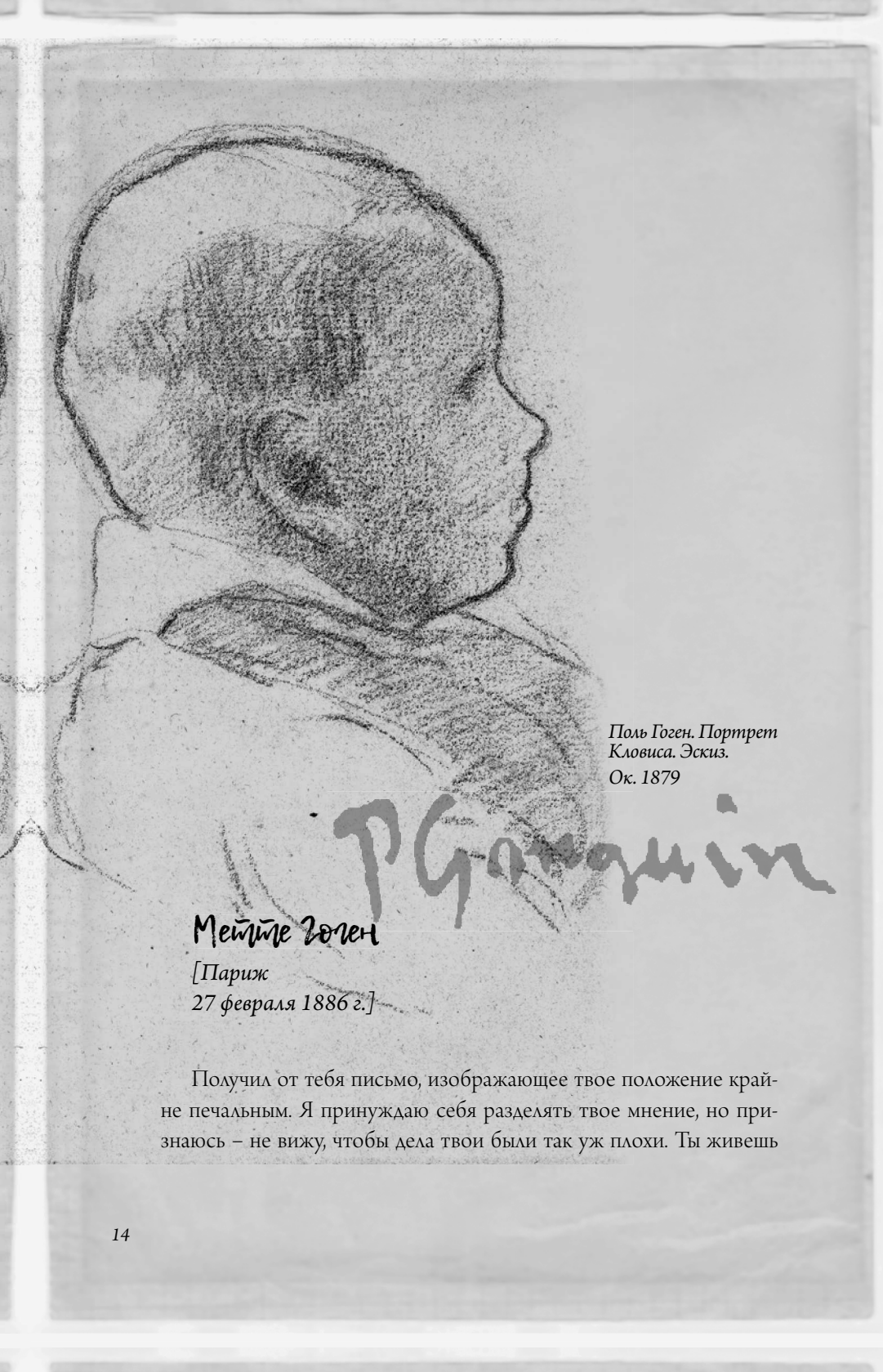
Я устроил здесь выставку своих произведений, когда-нибудь я расскажу Вам, как через пять дней выставку закрыли по распоряжению Академии, как серьезные статьи в мою пользу не были допущены к напечатанию в газетах. Все низменные интриги! Весь старый академический клан задрожал, словно я был Рошфором в искусстве – для художника это лестно, но результаты оказались плачевными.

В Копенгагене я вынужден заказывать раму для картины столяру – специалисты по рамам потеряли бы своих клиентов, если бы стали для меня работать, и это в XIX веке! Но если мы ничтожество, почему весь этот переполох?

С нами не были бы художники, и тем более нами не интересовалась бы публика, моя живопись попросту зачахла бы – смехотворная и вызывающая презрительную жалость. Ощущать, что ты нечто – пусть несовершенное, но все же существенное, и видеть, как перед тобой закрываются все двери. Надо признаться, что мы настоящие мученики живописи. Молодая консержка, два года проучившаяся у Куртуа, пользовалась бы бодьшим уважением. Хватит! Человеческая глупость почти так же сильна, как тщеславие смертных.

Р. Сандгип.

Поль Гоген. Портрет
Кловиса. Эскиз.
Ок. 1879

Мейте Гоген

[Париж
27 февраля 1886 г.]

Получил от тебя письмо, изображающее твое положение крайне печальным. Я принуждаю себя разделять твое мнение, но признаюсь – не вижу, чтобы дела твои были так уж плохи. Ты живешь

в своем доме, обставленном вполне прилично, окруженная своими детьми, работаешь усиленно, но занята тем, что тебе по вкусу, видишься с людьми, и поскольку тебе приятно в обществе женщин и твоих соотечественников, то можешь порою чувствовать себя вполне удовлетворенной. Ты пользуешься всеми преимуществами брака, не имея никаких неприятностей со стороны мужа. Что тебе еще нужно – только немного больше денег – немало женщин находится в подобном же положении.

Я же из своего дома изгнан, живу где попало, среди голых стен – кровать, стол, не топлено, никого кругом нет. Кловис ведет себя героически, когда вечером мы сидим за столом, на котором кусок хлеба да дешевая колбаса; он уже не думает о своих прежних лакомствах, молчит, ни о чем не просит, даже о том, чтобы поиграть, и отправляется спать. Вот какова его жизнь, теперь у него сердце и ум взрослого. Он заметно растет, но чувствует себя неважно – все время головная боль и какая-то бледность, сильно меня тревожащая.

Напрасно ты думаешь, что я сержусь. Я просто очерствел, и все происшедшее вызывает во мне одно лишь отвращение. Мне уже безразлично, что дети меня забывают. К тому же я не вижу никакой возможности когда-либо с ними увидеться, и дай бог, чтобы все мы умерли. Это было бы для нас всех лучшим даром.

Будущее, которое их ожидает, отнюдь не радостное, а главное – воспитывать их, чтобы они стали чернорабочими или нищими, имеющими образование, – нет никакого расчета.

Не волнуйся по поводу прощения того, в чем ты виновата, я уже давно забыл все это; даже твоя сестра, которая во всем происшедшем оказалась наиболее злой и глупой, кажется мне сейчас женщиной, как все другие, – я всегда был неправ, веря в добродетель.

Все забыто. Прощай.

